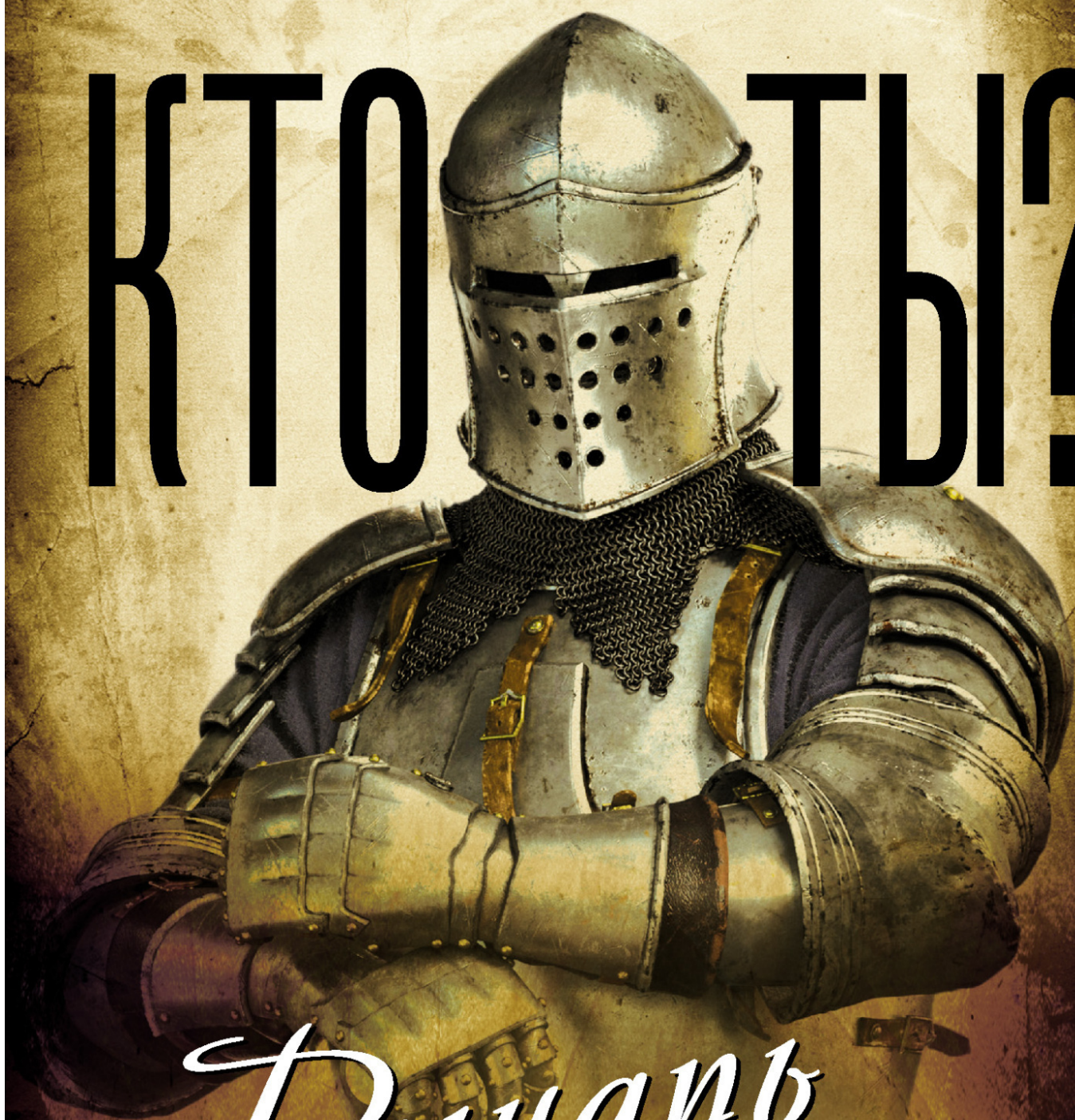

МАРИЯ ОССОВСКАЯ

КТО ТЫ?

*Рыцарь
или буржуа*

Весь мир

Мария Оссовская

Кто ты? Рыцарь или буржуа

«Алисторус»

1956

УДК 82-94
ББК 63.3

Оссовская М.

Кто ты? Рыцарь или буржуа / М. Оссовская — «Алисторус»,
1956 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-966-1

Книга состоит из двух наиболее важных в теоретическом отношении работ крупнейшего польского исследователя в области морали. Работа «Рыцарский этос и его разновидности» посвящена рассмотрению разновидностей и эволюции рыцарского этоса, начиная с античности и кончая новейшей историей. В «Буржуазной морали» обстоятельно анализируется становление и развитие норм и ценностей буржуазной морали и присущих ей личностных образцов поведения. В ходе рассмотрения исторических типов нравственности автор широко привлекает материал художественной литературы, публицистики, мемуаров, этнографических и социологических исследований, что делает возможным рекомендовать книгу не только специалистам по истории этики, но и широким кругам читателей.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-966-1

© Оссовская М., 1956
© Алисторус, 1956

Содержание

Исторические образы морали	6
Аристократическая мораль	17
Глава I	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мария Оссовская

Кто ты? Рыцарь или буржуа

© Оссовская М., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Исторические образы морали

Автор этой книги Мария Оссовская (1896–1974) – видный польский философ и социолог, специалист в области теории и истории этики. Хотя ее работы получили известность далеко за пределами Польши, на русский язык они переводятся впервые. Многие идеи М. Оссовской носили пионерский характер, оставили заметный след в современном общественном сознании. Так, статья «Наука о науке», написанная ею в 1935 г. в соавторстве с мужем, известным социологом Ст. Оссовским, как признано в мировой литературе, положила начало новой отрасли знаний – науковедению. В ее работах было впервые предложено и научно обосновано понятие «нормативный образец личности», которое и поныне играет огромную роль в исследованиях по социологии культуры и которое, как мы увидим, во многом предопределило плодотворность ее исследований по истории нравов.

Научная деятельность М. Оссовской началась вскоре после окончания ею философского факультета Варшавского университета, где ее учителями были известные представители «Львовско-варшавской школы» – В. Татаркевич, Я. Лукасевич и Т. Котарбиньский. Первоначально ее интерес был обращен к вопросам аксиологии, затем – к семантике. Семантические исследования, которые послужили основанием присуждения ей в 1932 г. докторской степени, наложили отпечаток на все ее творчество. М. Оссовская уделяла особое внимание анализу понятий и уточнению терминов, считая, что это дает возможность вычленивать реальные проблемы и отбросить псевдопроблемы. Однако главной целью своей научной деятельности, а по словам хорошо ее знавших польских философов, даже главной целью своей жизни М. Оссовская считала исследование морали. Этика была средоточием ее научных интересов, можно сказать – призванием.

Уже в годы гитлеровской оккупации, активно участвуя в движении Сопротивления, М. Оссовская руководила подпольным семинаром по проблемам морали. В 1945 г. она возглавила кафедру теории морали, впервые созданную для нее в Лодзинском университете; в 1948 г. она возвращается в Варшаву, где до ухода на пенсию (1966 г.) возглавляла кафедру истории и теории морали и одновременно (с 1956 по 1962 г.) руководила отделом теории и истории морали в Институте философии и социологии Польской Академии наук. В 1972 г. М. Оссовская была удостоена Государственной премии 1-й степени.

Свою основную задачу в области этики М. Оссовская видела в том, чтобы создать науку о морали, которая была бы столь же строгой и авторитетной, как другие науки. Она считала, что явления морали следует изучать «таким же образом, как ботаник изучает растения, а специалист в области языкознания изучает язык» (См.: Ossowska M. Podstawy nauki o moralności, Warszawa, 1963, s. 9.)

Необходимо, полагала она, выделить явления морали в «чистом виде», отделить их от искаженного воздействия оценочного момента; объективность этического анализа отождествляется с ценностной нейтральностью. В таком подходе мы видим влияние идей неопозитивизма, в той или иной степени обнаруживающееся на всех этапах творчества М. Оссовской; однако это влияние она постоянно преодолевала конкретными результатами своих исследований, и в исторических работах от позитивизма остался, пожалуй, только стиль рассуждений, который, впрочем, имеет и свои достоинства, связанные прежде всего с высокой логической культурой.

Для реализации поставленной перед собой цели М. Оссовская наметила исследовать три группы проблем.

1. Теория морали, которая в зарубежной этической литературе получила название метаэтики. Сюда относится прежде всего анализ моральных оценок и норм с тем, чтобы вычленивать те черты, которые отличают их от оценок и норм в других областях.

2. Психология морали, где речь идет об исследовании мотивации оценок и действий людей, моральных чувств, патологии в сфере морали и др.

3. Социология морали, предметом которой является анализ общественных условий формирования моральных явлений, анализ морали различных эпох и социальных групп. Оссовская интенсивно работает над реализацией этого плана, выпуская одну книгу за другой.

Первой группе проблем посвящен фундаментальный труд М. Оссовской «Основы науки о морали», который был готов к опубликованию уже в 1939 г., но вышел только после войны, в 1947 г. В этой работе М. Оссовская проводит идею, что успешность этического исследования определяется прежде всего методологией, суть которой она понимала как право исследователя на беспристрастное изучение моральных явлений вне их оценок. Она выступает против сложившейся в этике веками традиции, когда мораль мыслилась лишь как система норм и принципов. Для такого рода выступления в то время требовалось определенное историческое воображение, и М. Оссовская его проявила, что открывало путь для плодотворного исследования различных аспектов морали и тем самым для определения адекватного содержания предмета этики. Однако ход рассуждений М. Оссовской во многом совпадал с неопозитивизмом, особенно там, где она отстаивает чисто описательный характер моральных суждений. Но заметим, что связь с методологией неопозитивизма в работах Оссовской является скорее логической, нежели генетической. Будучи исследователем на редкость кропотливым, вдумчивым, она в отличие от неопозитивистов не ставит знака равенства между обоснованием оценок и возможностью их выражения в категориях правильного или неправильного. «Из того факта, что оценки не поддаются обоснованию и что никто до сих пор не сумел эти обоснования найти, вовсе не значит, что они не бывают правильными или неправильными» См.: Ossowska M. Podstawy nauki o moralności, s. 99., – пишет М. Оссовская.

Она не согласна с позитивистами, что моральные явления могут выражать лишь чувства людей. В то же время Оссовская считает, что моральные нормы лишены объективного содержания, что они поэтому обладают лишь логической ценностью; и хотя в рамках определенных нормативных систем их можно обосновать, тем не менее в случаях, когда сталкиваются между собой две противоречащие нормативные системы, ни одну из них нельзя предпочитать другой.

В «Основах науки о морали» особое значение имеют те разделы, в которых автор пытается выявить специфику моральных оценок и норм и ищет окончательный и достаточно убедительный критерий для определения самих моральных явлений. Иными словами, речь идет о том, чтобы дать определение морали, очертить круг вопросов, составляющих предмет науки о морали. М. Оссовская приходит к правильному выводу, что аналитическим путем нельзя создать понятие морали, поскольку мораль формируется под влиянием различных традиций и опыта социальных групп той или иной эпохи. А то общее, что имеется в различных системах морали, относится лишь к названию, к терминам, но не к их содержанию. Тем самым она говорит о возможности дать лишь лингвистическое, а не содержательное понятие морали. При этом М. Оссовская сознает, что понятие морали, выведенное лишь лингвистическим путем, не является плодотворным для построения науки о морали. Не случайно Т. Котарбиньский в рецензии на книгу «Основы науки о морали» писал, что в ней речь пока не идет о создании фундамента новой науки, на что претендует автор, поэтому книгу было бы правильнее назвать «Введение в науку о морали» (См.: Katarbicki T. Recenzja z: Ossowska M. Podstawy nauki o moralności. – Przegląd Filozoficzny, 1969.)

М. Оссовская, по существу, не возражала против такого мнения и пришла к выводу, что вообще нельзя создать единой, систематизированной науки о морали, поскольку до сих пор нет единого представления этиков о предмете своего исследования. Поэтому, по ее мнению, в сложившейся ситуации можно создать лишь ряд наук о морали, а именно: аксиологию морали, фелицитологию, или науку о счастье, и перфекционистику, которая занималась бы анализом личных предпочтений людей. В результате предметом этики в высшем смысле этого слова, по

мнению М. Оссовской, остается исследование отношений между людьми. Что же касается изучения моральных явлений, составившего, как мы уже отмечали, смысл работ М. Оссовской, то она видит в этом лишь важное звено для формирования в будущем науки о морали – звено, которое заслуживает, как она считает, особого внимания. Таким образом, М. Оссовская продолжала свои исследования, так и не располагая ясной характеристикой моральных явлений, а следовательно, не располагая понятием морали, разделяя, впрочем, в этом отношении судьбу многих этиков.

М. Оссовская затем приступает к анализу психологии морали. Этим проблемам посвящена книга «Мотивы поведения» (1949), анализирующая сферу моральной жизни человека. Она подвергает критике те мотивы, которые многие исследователи начиная с XVIII века ищут в «природе человека» – принцип удовольствия, эгоизм или альтруизм и т. п. Подробно рассматривая каждую из этих позиций, М. Оссовская убедительно показывает, что безнадежно в «природе человека» искать ключ к объяснению таких сложных поступков людей, как моральные, тем более что сама «природа человека» по-разному трактуется теми или иными философами. Однако своего решения вопроса о мотивах морального поведения М. Оссовская не дает, ограничившись выражением согласия с положением Ларошфуко, что гораздо сложнее познать «человека вообще», чем каждого в отдельности.

Вслед за психологией морали М. Оссовская обратилась к исследованию социологии морали, посвятив ей цикл работ, открывающихся книгой «Буржуазная мораль» (1956). В 1963 г. вышла ее работа «Социология морали». В ней М. Оссовская поднимает целый ряд общих проблем, среди которых можно выделить три группы: анализ причин, определяющих формирование морали различных социальных групп; проблемы, связанные с функционированием норм морали; анализ метода и теории, которые могут быть пригодны для исследования морали. Хотя не все затронутые в книге вопросы исследованы с той тщательностью, которая характерна для работ Оссовской в целом, здесь дается систематизация проблем социологии морали, а также подводятся итоги теоретической мысли в этой области. А именно: выявляются различные методологические подходы к анализу моральных проблем, оцениваются присущие этим подходам категории, их роль в развитии социологии морали и т. д. М. Оссовская сурово критикует функциональный подход в социологии за его крайний формализм, хотя сама она не лишена влияния его методологических постулатов, что нашло свое подтверждение в работе позднего периода «Моральные нормы», в которой главным критерием классификации норм она считает выполняемую ими общественную функцию.

Книга «Моральные нормы. Попытка систематизации», вышедшая в 1970 г., занимает особое место в творчестве М. Оссовской. Она свидетельствует о расширении круга научных интересов, выразившемся в обращении к анализу моральных норм, их роли в обществе и в нравственном развитии личности. М. Оссовская характеризует моральные нормы, действующие в рамках нашей эпохи, ее культуры, с точки зрения того, какие последствия для общества имеет их соблюдение или нарушение. В результате читатель получает тонкий анализ функций моральных норм, далекий от схематизма и упрощения. Автор категорически отмечает тезис, будто моральные нормы служат лишь смягчению напряжения в отношениях между людьми и что их главная роль сводится к уменьшению страданий и увеличению удовольствия. Ведь во многих случаях, пишет она, более правильно для личности противопоставить себя большинству, хотя это и чревато столкновениями и конфликтами. Некоторые формы конфликтов, по ее мнению, необходимы как в общественном, так и в этическом плане, поскольку это связано с имманентно присущим нашей традиции отсутствием единства этических идей. В этой традиции, подчеркивает М. Оссовская, наряду с развитием моральных норм, способствующих ослаблению напряжения между людьми, очень важное место занимает идея достоинства личности. Она реализуется в признании человека высшей ценностью, в борьбе личности за собственную индивидуальность. Те, кто исходит из этого принципа, подчеркивает М. Оссов-

ская, в значительно большей мере способствуют установлению гармоничных отношений между людьми в обществе, нежели те, кто выступает за гармонию ценой отрицания каких-либо конфликтов в обществе.

«Те, которые руководствуются в своем поведении заботой о себе, как правило, поддерживают людей, имеющих свою индивидуальность, свои особые черты. Между тем огромное множество одинаковых конформистов могло бы очень легко добиться гармонии межчеловеческих отношений в обществе. Конфликты между людьми и группами считаются отрицательным явлением с точки зрения гармонии именно такого рода. Поэтому полное устранение конфликтов неприемлемо для того, кто заботится о реализации несомненных ценностей личности»

Ossowska M. Normy moralne. Warszawa, 1970, s. 67–68.

В этих рассуждениях М. Оссовской выражена точная по существу и важная в воспитательном плане мысль: моральные нормы могут служить установлению гармонии между людьми, если они в качестве высшей цели имеют в виду интересы, потребности личности, если они способствуют ее моральному совершенствованию – развитию у каждого чувства собственного достоинства, а следовательно, уважения к другому человеку.

Как видим, творчество М. Оссовской многогранно. Одной из наиболее ярких и плодотворных сторон его являются исследования по истории морали и этики, основные результаты которых представлены в данном сборнике. В сборник вошли две крупные работы М. Оссовской: «Рыцарский этос» и «Буржуазная мораль», а также статья «О некоторых изменениях в этике борьбы». «Рыцарский этос» – анализ аристократического нравственного идеала, который преобладал в общественном сознании античности и средневековья. В «Буржуазной морали» рассмотрен личностный нравственный образец, явившийся идеализацией условий жизни домонополистической буржуазии, а говоря точнее, получивший господство в раннебуржуазной среде. Статья об этике борьбы ставит вопрос об изменениях в межчеловеческих отношениях, которые обусловлены идеологизацией общественной жизни империалистических государств. В совокупности все три работы, которые мы расположили в исторической последовательности, не совпадающей, правда, с хронологией их написания («Рыцарский этос» написан позже «Буржуазной морали»), дают достаточно конкретное и живое представление о нравах в эпоху классовой цивилизации и – самое главное – обозначают основную тенденцию их развития.

Предмет, которым занимается М. Оссовская в названных работах и который можно обозначить как научный анализ реальных нравственных процессов в их историческом развитии, представляет для этики (в частности, для советской этики 80-х годов) первостепенную – и теоретическую, и нормативную – актуальность.

Сегодня, кажется, все согласны с тем, что этика есть наука о морали (нравственности). Но вопрос о том, что представляет собой нравственность, остается невыясненным; речь идет не о теоретическом определении (хотя и здесь много спорных проблем), а об установлении эмпирических границ, фиксации качественного своеобразия явления. Парадокс, обнаружившийся в творчестве Оссовской, вообще свойствен развитию этики, и он состоит в том, что этика смело рассуждает о сущности морали, но не умеет вычленить ее как эмпирическое явление. Нравственность образует такую область действительности – область межчеловеческих отношений, – которую нельзя идентифицировать без апелляции к терминам морального сознания. Однако моральное сознание не является надежным путеводителем в мире ценностей, ибо оно не только выражает, но весьма часто, а в определенных социальных условиях как правило – искажает действительный ценностный смысл поступков, отношений; без предварительной критики оно не может стать эмпирическим основанием науки. Увы, зеркало морального сознания – кривое

зеркало. И это не единственная трудность, препятствующая тому, чтобы нравственность из обыденного факта стала фактом науки.

Другая, еще более фундаментальная трудность связана с тем, что область реальной нравственности практически безгранична; нет такой сферы общественной и личной жизни, которая не становилась бы предметом моральной оценки и регуляции. Понятия доброго и злого, справедливого и несправедливого, человеческого и бесчеловечного самым естественным образом прилагаются к экономическим, политическим, бытовым и всяким другим общественным отношениям, а в определенном аспекте и к природным процессам. В этом смысле мораль вездесуща, повсюдна, она соприисутствует во всем многообразии человеческой деятельности и потому необъятна. Далее, будучи разлитой по всей ткани общественных отношений, находясь везде, она в то же время не имеет собственной предметной сферы бытия; мораль не локализована в социальном времени и пространстве, хотя бы наподобие того, как локализованы порядковые с ней искусство, религия, право.

Есть, следовательно, много причин, в силу которых этике трудно встать на твердую почву исторических фактов, и она до настоящего времени еще не встала на нее. На первоначальном этапе развития философия имела непосредственные контакты с эмпирической действительностью; в обоснование своих выводов она ссылалась на простую, всем доступную очевидность. Однако по мере развития наук и форм культуры ее фактическая база стала более строгой, систематизированной, а связь с общественной практикой – опосредованной. Между философией и действительностью возникла средняя, связующая зона конкретных областей знания и культуры: онтология в своих обобщениях опирается теперь на естественнонаучную картину мира; отношение философии истории к самой истории опосредовано данными разветвленного и все более специализирующегося обществознания; отношение эстетики к эстетической действительности опосредовано уровнем развития литературы и искусства, а также частными обобщениями, содержащимися в искусствоведении, литературоведении, технической эстетике; даже логика уже имеет дело с процессом мышления, подвергшимся предварительно формализации в точных областях знания. Из всех философских наук, пожалуй, только одна этика осталась на первоначальном уровне философствования и связана с нравственной реальностью прямо, без посредствующих звеньев, вынужденная довольствоваться субъективными и по неизбежности случайными наблюдениями. Действительность входит в этику в ее поверхностном, дилетантском восприятии, как житейская мудрость, здравый смысл. Она входит в нее в виде отдельных примеров, случайных наблюдений, т. е. сугубо абстрактно, искаженно, однобоко. Ведь общественная жизнь, как подчеркивал В. И. Ленин, так сложна, многообразна, запутанна, что в ней всегда можно подобрать любое количество примеров для доказательства любого положения. Примеры в этике, даже если их очень много, ничего не доказывают. Отсюда ясно, как важны для развития философской этики области знания, призванные упорядочить, систематизировать, научно документировать реальные нравственные явления, сложный и на первый взгляд необъятный мир общественных нравов. Среди таких, все еще формирующихся областей знания одно из важнейших мест наряду с психологией морали, моральной педагогикой занимает как раз история нравов.

Вопрос об эмпирическом основании этики, в частности о ее исторических корнях, имеет также важное практическое значение. В ходе своего развития социалистическая нравственность по-разному относилась к нравственному опыту прошлого, периоды радикального отрицания сменялись периодами целенаправленного заимствования. Так, если говорить о развитии социалистической нравственности в СССР, то первоначальное отношение к нравственному опыту предшествующей истории было более или менее отрицательным. Тогда как начиная с 60-х гг. идет плодотворный, хотя и не лишенный издержек процесс практического овладения гуманистическими ценностями прошлого. Чем объяснить такой переход от конфронтации к компромиссу? И что в данном случае предпочтительней: гнев или милость? Признавая необ-

ходимость бережного отношения к нравственному опыту прошлого, можем ли мы утверждать, что древность в этой области является свидетельством высокого качества? В сфере морали старое действительно часто бывает лучше нового. К примеру, такие феномены общественных нравов, как потребительство, вещизм, спекуляция, для нашей страны сравнительно новы; однако они характеризуются нравственным сознанием негативно, и в противовес им оно апеллирует к старым, вековым нормам доброты и справедливости. Может быть, нравы что вино: чем старше, тем лучше? Оказывается, тоже нет. Так, взятка и другие злоупотребления служебным положением, без искоренения которых не может быть речи о здоровой социальной атмосфере, являются весьма старыми спутниками российской государственности. Что же считать в области морали старым и что новым? Что заимствовать из нравов прошлого, а что решительно отвергнуть? Для ответа на эти и многие другие злободневные вопросы нравственного воспитания, помимо всего прочего, необходимо знать, каковы общая историческая тенденция развития нравов, механизмы перехода от одной системы ценностей к другой, конкретные формы их взаимодействия. Такие знания можно почерпнуть только из изучения истории нравов, один из удачных опытов которого являет собой как раз собранные в данном сборнике работы М. Оссовской.

Исследования М. Оссовской по истории морали ценны как методологией подхода, так и конкретными выводами.

Что касается методологии, то здесь, на наш взгляд, наибольший интерес вызывает проблема отбора, говоря точнее, критерий систематизации материала. Нравы, тем более если речь идет о ряде эпох и многих народах, необъятны по объему и различны по ценностному значению. Чтобы их охватить, необходимо ввести существенные ограничения и, самое главное, теоретически организовать. Исследование, которое имеет целью просто описание нравов, но не ставит его заранее в связь с определенной теоретико-нормативной позицией, будет иметь, конечно, историческую ценность, но вряд ли этическую. Таковы, например, всесторонние описания быта определенных эпох или слоев населения, наподобие известной истории римских нравов Л. Фридендера. Однако, желая избежать одной опасности, легко впасть в другую, когда изучение истории нравов оказывается простой иллюстрацией заранее известных выводов. Примерами такого рода изобилует, в частности, советская этическая литература; можно сослаться на попытки эмпирически обосновать качественное различие рабовладельческой и феодальной морали, показать, что переход от первобытной эпохи к классовой цивилизации был прогрессом также и в нравственном отношении. (Не затрагивая сейчас вопроса о верности или неверности этих утверждений самих по себе, укажем лишь на один поразительный, просто парадоксальный факт: авторы пытались пропустить свои взгляды через историческую эмпирию, хотя заранее были абсолютно уверены в их правильности и могли принять только такие доводы и факты, которые подтверждают эти выводы. Мы, т. е. советские этики, не изучили сколько-нибудь всерьез, с достаточной научной кропотливостью историческое развитие нравственности, но тем не менее заранее «знаем», какие стадии она прошла, какую роль в жизни общества играла и т. д. Разве это не является типичным выражением философского схематизма и идеологической скованности мышления?) М. Оссовская удачно минует обе опасности – и непроходимые топи голого эмпиризма, и тупую предзаданность догматизма.

Она исследует моральные нормы, оставляя в стороне вопрос об их практическом воплощении; вернее, исследует нормы и лишь те поступки, которые соответствуют этим нормам, санкционируются ими. Такое сужение предмета, необходимое для охвата нравственной реальности в широких исторических пределах, оправдано еще и тем, что в условиях классово разделенного общества общепризнанность, принятие в качестве несомненной точки этического отсчета являются важной, во многих случаях превалирующей формой практической действительности моральных требований. М. Оссовская вводит еще одно ограничение: рассматривает моральные нормы в контексте личностного образца – образа личности, который считается

достойным подражания, является объектом притязаний, принят в данном социальном слое, обществе в качестве идеала. Личностный образец – важное понятие социологии культуры, в разработку которого важный вклад внесла сама М. Оссовская, – является ключевым в проводимых ею исследованиях добуржуазной и буржуазной морали, которые можно было бы обозначить как историческая социология морали и – даже более широко – нравов. Автор интересуется прежде всего моральными чертами личностного образца, но рассматривает их в единстве с другими, морально нейтральными признаками, которые в совокупности и образуют то, что она фиксирует с помощью древнегреческого термина «этос», пока еще не освоенного советской этикой.

Такое основанное на теоретических соображениях предварительное ограничение предмета до личностного образца по преимуществу в его нравственном аспекте оказывается еще недостаточным для осуществления описательной работы. Возникает вопрос: где искать эти образцы? Зависят ли они от географических, этнических или иных пространственных характеристик человеческих сообществ или обусловлены исторически? Этот вопрос М. Оссовская однозначно решает в пользу марксистского историзма. По мере развития человека и общества меняются личностные образцы, моральные идеалы. Но как часто, в какие временные отрезки – с каждым новым поколением людей, с каждым столетием или, может быть, с каждой новой экономической формацией? Или, говоря по-другому, какова та решающая историческая причина, которая обуславливает внутренние границы, тип, качественные характеристики личностного образца? М. Оссовская не формулирует явного ответа на этот вопрос, но он однозначно прочитывается в ее разработках по истории нравственности: такой исторической причиной является тип социальной связи между людьми.

Ее исследования по истории морали без всякой натяжки можно соотнести с фундаментальной мыслью К. Маркса о трех качественных типах общественных отношений в истории: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность труда развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень» Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100–101.

Советская этическая литература при анализе истории нравственности руководствуется главным образом представлением о пяти последовательно сменяющих друг друга общественно-экономических формациях и соответственно этому выделяет пять качественно различных систем нравственности. В ней не получила достаточного отражения идея К. Маркса, согласно которой вся добуржуазная эпоха, включающая первые три общественно-экономические формации, однородна в том отношении, что для нее характерна общественная связь, основанная на личной зависимости. Тем более ценна работа М. Оссовской, показавшая, что в общественном сознании всей добуржуазной эпохи превалировал один и тот же – аристократический – личностный образец, один и тот же – рыцарский – этос, на смену которым пришли буржуазный, мещанский личностный образец и буржуазный, мещанский этос. Добросовестное описание этих образцов, их исторических вариаций и национальных модификаций и составляет содержание двух основных работ М. Оссовской, представленных в данном одномомнике. Эти исследования могут рассматриваться не только как иллюстрация Марксовой идеи, но и как одно из специальных доказательств ее истинности.

Таким образом, научный опыт М. Оссовской показывает, что исследование истории нравов является эмпирическим исследованием, но в теоретически заданных и осмысленных рам-

ках, которые в конечном счете определяются социально-философскими установками автора; но сами теоретические рамки при этом следует понимать не как оградительную сеть, выход за пределы которой карается суровым штрафом, не как безусловные формулы, а скорее как общие, намеченные пунктиром контуры, как гипотезы, которые должны получить подтверждение в ходе самого эмпирического анализа. Этот вывод является важным аргументом в нерешенном споре о научном статусе этики, соотношении ее эмпирических и философско-теоретических разделов.

Методологическая ценность работ М. Оссовской подтверждается плодотворностью содержащихся в них конкретных этических обобщений. Рассмотрим некоторые из них, на наш взгляд, самые важные.

Основной итог проведенных М. Оссовской исследований по истории нравов состоит, несомненно, в выделении двух личностных образцов – рыцарского и мещанского. Аристократический этос держится на презрении к труду ради заработка, в особенности к физическому труду; для мещанского этоса, напротив, характерно трудолюбие, становящееся даже самоцельным. В первом случае мы видим риск, широкий жест, великолепие, во втором – осторожность, недоверие, приземленность. В первом случае – расточительную щедрость, во втором – бережливость, скупость. Для аристократии характерно стремление к славе, непомерное честолюбие, буржуазия же стремится к безопасности, надежности существования. Аристократический образец имеет личностную форму, его носителем может быть только человек благородного происхождения; основой основ этого образца является убеждение, что честь и достоинство личности выше любых материальных благ, самой жизни. Мещанский личностный образец, если можно так выразиться, безличен. Он переносит акцент с личности на эффективность ее действий; богатство и польза рассматриваются как показатели нравственного достоинства человека или, как считает Б. Франклин, кредит – мерило добродетели.

Мещанский личностный образец получает преобладание в общественном сознании только в Новое время, с развитием капитализма. Но это вовсе не означает, что он только в это время и появляется. Он столь же древен, как и те средние социальные слои, мелкие собственники, условия жизни которых в нем идеализируются. «Мораль дидактической басни от Эзопа до Лафонтена носила мещанский характер» (с. 182), – пишет М. Оссовская. Есть более древние, чем басни Эзопа описания такой морали. Вполне мещанскими являются ценности труда и законности, которые провозглашает Гесиод в противовес аристократическому идеалу Гомера; «Труды и дни» выражают иное по сравнению с «Илиадой» – осторожное, приземленное, пуританское до пуритан – моральное мироощущение. Нормы мещанской (мещанской в социологическом, историческом, а не ценностном содержании этого термина) морали, ориентированные на бережливость, трудолюбие, самоограничение, осмотрительность и т. п., существовали, таким образом, издавна; только они находились на заднем плане, периферии общественного сознания. В Новое время они просто выходят на передний план, перемещаются в центр, подвергаясь, разумеется, одновременно содержательной трансформации. Соответственно, потесненный и низвергнутый аристократический идеал совершает движение в обратном направлении – с центра перемещается на периферию.

Развитие в области морали отчасти совершается по принципу калейдоскопа, когда один и тот же состав элементов дает каждый раз новую картину благодаря их различному сочетанию. Неверно, конечно, думать, будто в мире моральных норм не появляется ничего нового. Появляется, хотя и не столь обильно, как принято считать. Однако борьба вновь возникших норм со старыми, традиционными нормами отнюдь не исчерпывает содержания процесса нравственного развития, в том числе в его восходящей, прогрессивной тенденции. Исследования М. Оссовской показали: для понимания исторической динамики нравственности очень важное значение имеет борьба различных, «извечно» полемизирующих между собой норм за господ-

ство, преобладание в нравственном сознании общества. В наиболее напряженные моменты эта борьба носит бескомпромиссный характер.

Смена господствующего личностного образца в общественном сознании происходит не путем плавного перехода, а в форме решительного отрицания. Буржуазный образец личности находится в резкой конфронтации с аристократическим идеалом, он, собственно, и формируется путем сознательного отрицания последнего: там, где утверждалась нарочитая праздность, провозглашается принципиальное трудолюбие; там, где господствовала щедрость вплоть до расточительного пренебрежения к деньгам, возникает мелочная расчетливость и бережливость; там, где властвовал баловень судьбы, появляется человек, который горд тем, что всем обязан самому себе, и т. п. Такое отношение является вполне естественной защитной реакцией только что возникающей и потому по неизбежности еще слабой буржуазной морали. И только по мере того, как она укрепляется, становится господствующей в общественном сознании, меняется отношение к рыцарской морали прошлого: конфронтация сменяется компромиссом, отрицание – заимствованием. Победившая буржуазия стремится придать своему социальному облику аристократический лоск. Купец хочет стать к тому же еще и джентльменом. Почему бы нет, если теперь это не вредит его положению, не мешает бизнесу, не унижает достоинства? Теперь он может это себе позволить, ибо его общественный статус, его социальная «первосортность» – вне сомнений; и теперь уже не он тщится стать аристократом, а, напротив, аристократизм ставит себе на службу.

Отношение буржуазного личностного образца к аристократическому, которое в талантливом изображении М. Оссовской выглядит как движение от отрицания и конфронтации к заимствованию и компромиссу, является, по-видимому, вообще характерной особенностью борьбы нового со старым в морали. В этой связи интерес представляет вопрос об условиях наиболее плодотворного, эффективного усвоения нравственных ценностей прошлого. Можно отметить два момента. Во-первых, сами ценности отрываются от первоначальной узкоклассовой, исторически ограниченной основы и раскрываются в своем общечеловеческом содержании. «С немалым трудом в истории этической мысли отделяется благородство от благородного происхождения» (с. 437). Но такое отделение обязательно должно было произойти для того, чтобы благородство могло войти в неаристократические личностные образцы (буржуазный, а также социалистический). Бережливость как нормативная установка выражает одну из характерных особенностей образа жизни мелких собственников, исторически она связана с первоначальным капиталистическим накоплением. В таком виде она может рассматриваться скорее как порок, чем добродетель. Бережливость, однако, изменчива и обнаруживает такие грани, которые вообще не связаны с накопительством и выражают уважение к человеческому труду (в этой связи вызывает интерес и содержит большой воспитательный потенциал проводимое М. Оссовской различие бережливости по отношению к деньгам и по отношению к вещам); в этом качестве она входит в общечеловеческий нравственный фонд. Во-вторых, заимствуемые ценности включаются в качественно новую систему морали и в зависимости от этого приобретают новые значения. Например: благородство аристократа заключается в том, чтобы хранить честь и привилегии своего сословия, не унижаясь до равноправного общения с представителями низших сословий, оно ярко выражается в том, что карточный долг для него священен, а долг мяснику ни к чему не обязывает; благородство буржуа состоит в том, что он учреждает фонды, стипендии и т. п., чтобы подобными благотворительными акциями сгладить жестокость практикуемой им эксплуатации, он пытается в гражданской и частной жизни смягчить те социальные контрасты, которые сам же углубляет в качестве бизнесмена; благородство социалистической личности обнаруживается во внутреннем достоинстве, которое не должно знать раздвоенности мотивов и поступков, частной и публичной жизни, не признает успеха, приобретенного ценой интриг, подлости, обмана и других низостей. Ясно, что хотя речь здесь идет об одном явлении, тем не менее оно заключает в себе различные исторические смыслы.

М. Оссовская рассматривает историю морали в прямой сопряженности с историей этики. Традиционно эти процессы рассматриваются в изолированности друг от друга, и такой взгляд, к сожалению, получил широкое распространение в советской литературе. Считается, что этика является лишь рефлексией по поводу морали, осуществляемым задним числом размышлением о ней. Стало едва ли не общим местом утверждение, будто этика относится к морали так же, как вообще любая наука относится к своему предмету. Поэтому в этику обычно включают только философско-теоретические объяснения морали, а мораль сводят к области обыденного сознания; в работах по истории нравов, как правило, мы ничего не узнаем о Спинозе или Канте, а в теоретических курсах этики – о формах вежливости или парадоксах раскаяния. Как не разделить возмущения М. Оссовской в связи с тем, что даже Б. Франклин в традиционно понимаемой истории этики является фигурой незаконной?! «При отборе авторов в истории этики всерьез принимались лишь этические построения профессиональных философов. Моральные наставления идеологов оставались без внимания, зато излагались малооригинальные и мало кому известные этические рассуждения философов, зарегистрированных в традиционных компендиумах по философии. За этим пренебрежением стояла определенная концепция этики и ее истории. Считалось, что история этики должна быть историей науки, все больше приближающейся к истине и представляющей этическую мысль в виде определенной системы, тогда как свободные размышления на моральные темы не включались в науку. Но последовательно этот критерий не соблюдался, и, например, для Ларошфуко или Ницше место в истории этики, как правило, находилось. И неудивительно: ведь граница между этиком и моралистом неуловима. Так называемые этические системы редко были действительными системами, а мысль моралистов складывалась порой в гораздо более стройное целое, чем рассуждения «профессионалов от этики», какими считались философы. Так или иначе, история этической мысли, принимающая во внимание тех, кто действительно был причастен к великим нравственным преобразованиям своего века, еще не написана. В такой истории этика Франклина займет место, принадлежащее ей по праву, – место классической модели буржуазной морали» (с. 234–235).

Взгляд, жестко разводящий этику и мораль как науку и ее предмет, игнорирует фундаментальный факт нормативности этики. Этика участвует в творчестве норм; она не только отражает свой предмет – нравственность, – но и в известном смысле создает его. Этот переход этики в мораль, а морали в этику наиболее полно осуществляется тогда, когда речь идет о систематизации многообразия моральных норм, их организации в качестве черт личности, являющей собой нормативный образец. Аристократический и буржуазный личностные образцы, которые, как показывает М. Оссовская, являются коренными характеристиками соответствующих исторических типов морали, были сформулированы в рамках профессионализированной духовной деятельности, мыслителями и деятелями культуры, занимающими или призванными занять важное место в истории этики. Исследования М. Оссовской подтверждают: этика становится действительным нравственно-формирующим фактором благодаря тому, что она задает нормативные образцы личности, достойные подражания целостные модели поведения и образа жизни. Это – одно из несомненных проявлений ее нормативной функции, ее практического, прикладного характера.

Одной из теоретически сложных и социально животрепещущих проблем, обсуждаемых М. Оссовской, является вопрос о том, как связанная с обострением классовой борьбы политизация и идеологизация общественной жизни влияют на нравы, формы непосредственных взаимоотношений между людьми. Этому посвящена ее статья об этике борьбы, написанная в привычной для автора спокойной, почти сциентистской манере, но полная внутренней страсти, глубокой веры в гуманистические ценности. М. Оссовская показывает, что борьба, состязания, стычки индивидов (типичный случай: рыцарские турниры) традиционно регулировались моральными нормами, призванными обеспечить равенство условий, уважение к поверженному

противнику и т. д. Затем она рассматривает, как постепенно меняются, говоря точнее, отбрасываются эти нормы, в частности, нормы воинской этики. Эта характерная для империалистических диктатур тенденция нашла крайнее воплощение в практике германского фашизма, отношение которого к своим противникам не укладывается ни в какие этические каноны, является патологией ненависти. Жесткая идеологизация мышления, когда политические критерии подминают все остальные, отрицательно, разрушающе влияет на общественные нравы. Это говорит о том, что мораль является относительно самостоятельным, автономным общественным феноменом, выполняющим незаменимые функции, среди которых одно из важных мест занимает ограничение политического экспансионизма. Политика и этика, как доказал еще Макиавелли, плохо сходятся между собой. Но жизнеспособность общества и состоит в том, чтобы уравновесить их, не дать политике поглотить этику, чтобы, заботясь о ценностях государства, беречь святость человеческой индивидуальности. Вопрос об этических ограничениях политической борьбы приобретает новый смысл в современных условиях, когда политическое противоборство приняло глобальный характер борьбы двух мировых систем и когда оно подкреплено таким «аргументом», как ядерное оружие и возможность многократного уничтожения человечества. Теперь эти ограничения перестали быть гуманистическим довеском к политическому расчету. Они сами стали жизненно важным фактором и потому приобрели первостепенное политическое значение. История много раз и, к сожалению, без должного эффекта доказывала: общество не может безнаказанно попираť этические ценности. Сегодня цена такого попрания высокая, самая высокая; цена эта – существование человечества.

Завершая размышления о трудах М. Оссовской, посвященных истории морали и этики, обратим внимание еще на одну их особенность, которую, конечно же, читатель заметит с первых же страниц: они написаны интересно. Ясность мысли, экономный язык, богатый исторический материал, а самое главное, естественная, понятная для любого думающего человека постановка проблем делают их увлекательным чтением. М. Оссовская достигла хорошего сочетания научности и популярности. Написанные на высоком профессиональном уровне, ее работы доступны, интересны и широкой публике: это происходит прежде всего оттого, что автор размышляет над своим временем, думает о тех же проблемах, что и ее современники, только думает более строго, точно, систематизировано. По-разному подходили философы к человеку. Для одних он был потенциальным комбинатом счастья, для других – сложной машиной, для третьих – иррациональной стихией и т. д. Для М. Оссовской человек – существо, которое творит самого себя, и история человечества – это разные образы человека. Она задумывается над тем, какие из этих образов обладали достоинством нормативного образца, и результаты своих размышлений предлагает нам, чтобы мы могли творить себя, создавать социалистический образец личности более осмысленно, обогащенные опытом личностного творчества предшествующих поколений.

К. А. Шварцман, доктор философских наук

А. А. Гусейнов, доктор философских наук

Аристократическая мораль

Предисловие

В заглавии книги нежелательно использовать термин, требующий пояснений, а слово «этос» кажется мне именно таким термином. В публицистике его часто смешивают со словом «этика». Но этика – это теоретическая дисциплина, которая ставит своей целью определить, что следует и чего не следует делать. А этос – это стиль жизни какой-то общественной группы, общая (как полагают некоторые авторы) ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite*¹, либо может быть выведена из поведения людей. Мы занимаемся этикой, когда обсуждаем вопрос, позволяет ли уважение к человеку применять в медицине средства, которые могут изменить характер пациента. И мы занимаемся этосом какой-либо группы, когда констатируем, например, что ее членам присуща склонность решать конфликты мирным путем или, напротив, постоянно утверждать свое превосходство с оружием в руках. Мы интересуемся этосом данной группы, пытаюсь выяснить, что предпочтительнее для ее членов: вести праздную жизнь или же больше работать и больше зарабатывать. Термин «этос» применяется к группам, а не к индивидам. Его объем выходит за рамки ценностей, которыми занимается этика. Это один из основных терминов социологии культуры; к ней-то и следует отнести проблематику нашей книги.

¹ Здесь: в явном виде (лат.).

Глава I

Понятие образца и понятие подражания

Следует выбрать кого-нибудь из людей добра и всегда иметь его перед глазами, – чтобы жить так, словно он смотрит на нас, и так поступать, словно он видит нас.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию, XI, 8

Возьми себе, наконец, за образец чей-либо характер и подражай ему, – и когда ты живешь один, и когда пребываешь среди людей.

Эпиктет. Беседы

Когда в 30-е годы я писала о личностных образцах и их роли в жизни общества, я чувствовала себя едва ли не одиночкой. Ныне положение коренным образом изменилось – пробудился интерес к проблеме, а вместе с ним начались поиски терминов, в которых она нашла бы адекватное выражение. Так, например, во французской социологии говорят о «направляющих образах» (images-guides) и об «идеалах личности» (ideal de la personne). В английских исследованиях мы встречаем такие выражения, как «человеческий образ, представляющий предмет притязаний» (enviable human figure), «идеальный тип человека в данной культуре» (human ideal-type of a given culture), «образ, вызывающий восхищение» (admirable human figure). Немцы пользуются словом «Vorbild» (пример, образец) или выражением «идеальный тип группы» (Ideal-Typus der Gruppe).

В литературе на интересующую нас тему многие недоразумения связаны с многозначностью слова «образец», а также с использованием в последнее время слова «модель», теперь столь же модного, как и слово «структура», и столь же часто употребляемого всуе. Ведь во многих случаях «модель» означает «тип». Например, когда в дискуссии о семье задается вопрос: «Какой моделью семьи занимается данный автор?», – то часто имеется в виду, занимается ли он матриликальной или патрилокальной семьей, семьей, состоящей из двух или более поколений, короче, каким типом семьи он занимается. Слово «образец» нельзя заменить словом «тип», хотя нередко одно употребляется вместо другого. Те, кто различает эти понятия, руководствуются различными соображениями. У некоторых авторов «образец» предполагает оценку в отличие от аксиологически нейтральной «модели»; у других дело обстоит как раз наоборот. Для А. Клоковской «в образце находит выражение повторяемость человеческого поведения, повторяющаяся структура этого поведения», тогда как модель – это «словесное, наглядное или какое-либо иное изображение человеческого поведения (общественных институтов, личностей), которое может служить примером, а также объектом соотнесения оценок и которое сконструировано для практических общественных целей».

Так же понимает образец Ф. Студницкий; согласно Студницкому, нечто служит образцом поведения для популяции, если это поведение преобладает в ней статистически в определенной ситуации См.: Studnicki F. Wzrost i zachowanie, wzrost postępowania i norma. – Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiello;skiego, 1961, 44, s. 9. Образцам соответствуют здесь определенные эмпирически установленные закономерности.

В связи с рассмотренными здесь терминами, предлагавшимися в литературе, мы хотели бы выступить против использования слова «идеал» или «идеальный». Выражение «идеальный тип» уже «присвоено» М. Вебером и получило у него совершенно определенное, иное значение. Идеал, как об этом уже писалось, предполагает совершенство и нереальность. Это нечто недостижимое, его осуществление означало бы состояние полного удовлетворения – черты, которые мы не связываем с личностным образцом. В статье «Идеалы» Т. Котарбинский

выделяет четыре интерпретации совершенства: безупречность, гармоничность, законченность и наивысшая степень Kotarbinski T. *Wybór pism*. Warszawa, 1957, t. 1, s. 469. Безупречность – это, говоря иначе, безошибочность; гармоничность – это «некая мера, благодаря которой наши поступки в данной области возможно лучше соответствуют нашим нуждам». Законченность, которая ассоциируется со словом «perfectio»², – это осуществление до конца, без недочетов, полностью; наконец, наивысшая степень относится к качеству, которое может выступать в большей или меньшей степени. Эта высшая степень не должна забывать о гармоничности, ибо любая чрезмерность может повредить совершенству целого.

Понятие о совершенстве, как справедливо заметил Спиноза, предполагает соотнесение с чем-то в двойном смысле. «Мы будем называть людей более или менее совершенными, смотря по тому, более или менее приближаются они к этому образцу» (то есть к «предначертанному нами образцу человеческой природы») Спиноза Б. *Этика*. – Избр. произв. М., 1957, т. II, с. 524. Но кроме «примеривания» человека к образцу, речь может идти и о сравнении человека с другими людьми. «Совершенство и несовершенство в действительности составляют только модусы мышления, именно понятия, обыкновенно образуемые нами путем сравнения друг с другом индивидуумов одного и того же вида или рода» Там же, с. 523.

Здесь Спиноза уже говорит об образце в том смысле, который мы имеем в виду. Личностный образец предполагает здесь некую иерархию ценностей; это – образец, называемый иногда нормативным. Не прибегая к понятию совершенства, можно дать следующее рабочее определение личностного образца: реальное или вымышленное лицо, которое побуждает или должно побуждать к подражанию. Точнее, личностным образцом для данного индивида или группы будет образ человека, который должен служить или фактически служит для этого индивида или для этой группы объектом притязаний.

Я предпочитаю говорить об образце, а не о модели, так как выражение «служить образцом» лучше отвечает моим намерениям. Образец – это нечто такое, чего мы стремимся достичь, подобно тому как мы стремимся, чтобы метр в качестве единицы измерения как можно более походил на эталон, который хранится в Севре под Парижем. Между тем, когда фирма «Фиат» выпускает новую модель автомобиля «Фиат-1200», она попросту выпускает новую марку машины, не собираясь никому предлагать пример для подражания. Заметим, что Ф. Знанецкий в своей «Социологии воспитания» говорит о личностном идеале как системе «векторных» норм, указывающих путь к будущему и к совершенству. В свою очередь само совершенство может пониматься по-разному. Для хулигана его частью является, например, здоровенный кулак и презрение к «слабакам».

Пользуясь понятием личностного образца как объекта чьих-то притязаний, мы ощущаем отсутствие общепринятого термина для обозначения образа человека, который вызывает не восхищение, а отвращение. В немецкой литературе в таких случаях говорится о *Gegenbild*³ в отличие от *Vorbild*. У французов имеется слово *repoussoir*⁴, у нас некоторые авторы предлагают термин «антиобразец». Пробел в терминологии свидетельствует о недостаточном внимании к самой проблеме, о недооценке роли антиобразцов в жизни общества. Понимание мещанства в негативном смысле было источником антиобразцов не только для «Молодой Польши»⁵. В формировании личности революционеров антиобразцы обычно имели особенно большое значение. Достаточно вспомнить критику «Святого семейства» у Маркса. В развитии индивидов и целых групп отмежевание от чего-либо играет нередко не меньшую роль, чем притягательность вымышленных или реальных личностей. Англичане, как пишет У. Мак-Даугал, не жестикули-

² Законченность, совершенство (лат.)

³ Противоположность (букв.: противообраз).

⁴ Выделение по контрасту.

⁵ Неоромантическое литературно-художественное течение конца XIX – начала XX века.

ругают и не бросаются друг другу в объятья на улице, ибо так поступают французы. Люди «из общества» не одевали лучший костюм в воскресенье, ибо так поступали работяги из простонародья. Антиобразцы нередко «сотрудничают» с образцами: ведь мы, случается, подражаем одним, чтобы отличить себя от других.

Точно так же выбор образцов может вызываться неприятием стереотипов. У. Липпман, который ввел в науку это понятие, определяет стереотип как «образ человека, принадлежащего к определенной группе, составленный из черт, считающихся характерными для этой группы» Lippman W. Public opinion. New York, 1932. Стереотипы, согласно Липпману, имеют свою хорошую сторону, поскольку упорядочивают мир и облегчают процесс мышления; благодаря им мы чувствуем себя в мире удобно, как в разношенной обуви. Но так как стереотипам присуща тенденция к окостенению и отставанию от социальных перемен, они способствуют искажению действительности, превращаясь в бастионы традиции, которая затрудняет действия в меняющихся обстоятельствах.

До недавнего времени интеллигент на наших плакатах изображался слабогрудым очкариком, рабочий же – бунтарем-атлетом, грозно напрягшим бицепсы. К устаревшему стереотипу прибегали анекдоты о раввинах, выступающих в роли скептических и преувеличенно осторожных советчиков. В бунте против стереотипа женщины как существа эмоционального и иррационального, не умеющего мыслить логически, женщины-эмансипантки перенимали мужские манеры, превозносили трезвую действительность и демонстрировали холодность, часто мнимую. Вот пример выбора образца, противостоящего стереотипу. Поляк за границей часто вспоминает о стереотипе «необязательного поляка» и руководствуется образцом, противостоящим этому стереотипу. Зато по части галантности в отношениях с дамами он старается быть на уровне своего стереотипа.

Выше мы охарактеризовали личностный образец в самых общих чертах – как образ, являющийся объектом чьих-либо притязаний; теперь рассмотрим некоторые его разновидности. Общеизвестно, что следует различать образцы пропагандируемые и образцы признаваемые, «внедрение» и восприятие образцов. «Руководство в области морали и политической экономии для рабочих классов», изданное в Берлине в 1861 г., убеждает рабочего быть трудолюбивым и довольным судьбой. В свою очередь образец верного слуги обладает всеми чертами, служащими интересам хозяина; это – пропагандируемые образцы, вероятность принятия которых невелика. В эпоху бурного развития пропаганды разница между тем, во что стремятся людей превратить, и тем, как они представляют себе человека, которого ценят, может быть весьма существенной.

Техника исследования пропагандируемых и признаваемых образцов различна, причем первые реконструировать легче, особенно если они исходят из одного единственного установочного центра, а граждане не имеют возможности высказаться. В обществах, использующих печатное слово, можно выявлять образцы, которые пропагандируются прессой, радио, телевидением, уголовными кодексами, биографиями государственных мужей и которые изменяются вместе с переменами в идеологии. Признаваемые образцы мы пробуем обнаружить методами опроса или включенного наблюдения. Эти методы, к сожалению, применимы только к настоящему времени.

Наконец, среди образцов, признаваемых теми, для кого они предназначены, следует различать действительно реализуемые образцы и образцы, признаваемые лишь на словах. Те, кто пропагандирует определенные образцы (если они не предназначены исключительно для чужого употребления), могут руководствоваться ими сами, однако не обязательно, даже если в принципе они их признают. Рассказывают, будто М. Шелер на вопрос, почему он сам не следует предлагаемым образцам, ответил, что никто ведь не требует от дорожных указателей идти в направлении, которое они указывают. Определить степень признания и реализации тех или

иных образцов нелегко. Мы не сомневаемся, что франклиновский образец⁶ не только получил широкое признание, но и воплощался на практике и что его популярность была иной, чем популярность нового образца, появившегося в Соединенных Штатах в 1958 г., – образца одинокости, бунтующего против общепризнанных авторитетов.

В примитивных обществах изучать образцы проще: здесь обычно не сталкивается множество соперничающих друг с другом образцов, а расхождения между общепризнанными образцами, передаваемыми традиционным путем, несомненно, не столь велики. Упорное подсовывание различными каналами социального воспитания одних и тех же образцов еще не свидетельствует о широком общественном спросе на них. Быть может, здесь мы имеем дело с полным контролем над центрами формирования образцов: находясь в одних руках, они говорят одним голосом.

Одним из авторов, раньше других заинтересовавшихся личностными образцами, был М. Шелер; но из его абстрактных дедукций можно извлечь не слишком много. Мы говорим о дедукции, поскольку Шелер начинает с выделения главных типов ценностей, после чего – предположив, что каждой из них должен соответствовать особый личностный образец, – перечисляет эти образцы поочередно, не слишком заботясь о том, как обстоит дело в действительности. Выделив ценности религиозные, духовные (или ценности культуры), витальные, утилитарные и гедонистические, он выделяет соответственно образцы святого, гения, героя, пионера цивилизации и мастера наслаждаться жизнью. Такой метод установления личностных образцов нам не подходит.

Личностные образцы долго не привлекали внимания, скрываясь за неадекватной терминологией. Они присутствовали в спорах о природе человека, которые были обычно спорами о том, каким должен быть человек, но имели видимость рассуждений о фактах. Они скрыто содержались в концепции психического здоровья. Обращаю внимание читателя на необычайно интересную работу, посвященную этой проблеме: Sowa J. Niektrye definicje zdrowia psychicznego. – In: *Moralność i społeczeństwo*. Warszawa, 1969, s. 237–264., ибо представление о человеке нормальном и психически здоровом зависело от личностного образца того, у кого это представление сложилось. Они неявно присутствовали в представлениях о настоящем счастье, которое должно было быть уделом лишь тех, кто следовал определенному личностному образцу. Конкретные образцы имели в виду и те, кто считал определенные межчеловеческие конфликты не только допустимыми, но и желательными. Перечень прав человека зависел от того, каким хотели его воспитать.

Как было отмечено в предисловии, интерес к личностным образцам растет, и сегодня уже совершенно ясно, что нельзя понять какую-нибудь культуру, не зная, какие образцы лежат в основе ее социально-воспитательной деятельности. Точно так же, чтобы понять какое-нибудь направление в искусстве, указывают искусствоведы, нужно уловить одушевлявшую его «художественную волю». Я имею в виду концепцию Алоиза Ригля (1838–1905).; при этом окажется, что художник творил так, как творил, не потому, что не мог иначе, но потому, что иначе он не хотел.

В связи с определением личностного образца как вымышленного или реального лица, побуждающего индивидов или социальные группы к подражанию, следует несколько слов сказать о подражании.

Знакомство с литературой, посвященной этому понятию, заставляет задуматься о том, как сходят на нет некоторые научные понятия и связанные с ними проблемы. Понятие подражания было особенно популярно в социальной психологии на рубеже XIX–XX веков. Сегодня в многочисленных американских компендиумах слово «imitation» (подражание) встречается

⁶ Личностный образец, пропагандировавшийся Б. Франклином, М. Оссовская рассматривает в гл. III монографии «Буржуазная мораль».

довольно редко. Отчасти это вызвано капризами терминологической моды, но дело не только в ней Э. Клапаред, П. Гийом, Ж. Пиаже исследуют подражание у младенцев. Этого рода подражание нас здесь не интересует.

Непопулярность понятия подражания иногда объясняют тем, что подражание понималось как инстинкт, и критика представлений об инстинкте заставила усомниться во всех предрасположенностях, причислявшихся к инстинктам. Здесь необходимо одно историческое уточнение. Дело в том, что к грешникам, считавшим подражание инстинктом, упорно относят У. Мак-Даугала. Эта ошибка повторяется у разных авторов. Между тем Мак-Даугал в своем «Введении в социальную психологию» писал: «Причины, по которым мы не можем признать существования инстинкта подражания, сводятся к следующему: подражательные действия чрезвычайно разнообразны, так как подражать можно любому действию; следовательно, в подражательных движениях нет ничего специфического» (Mac Dougall W. An introduction to social psychology. London, 1928, p. 88. (1-е изд., 1908)). Это предвосхищает получившую известность позднейшую критику понятия «инстинкт» в работах Л. Л. Бернарда (См.: Bernard L. L. Instinct: A study in social psychology. New York, 1924.). Бернард не соглашался признать существование чего-то подобного материнскому инстинкту или преступному инстинкту на том основании, что им соответствует множество способов поведения. Между тем инстинкт, считал он, должен проявляться в совершенно определенном, стереотипном поведении. Потому-то, не разрешая говорить о материнском инстинкте, Бернард считал вполне правомерным говорить о сосательном инстинкте у новорожденных. Называя в своих работах подражание псевдоинстинктом, Мак-Даугал поступал так еще и потому, что инстинкту, по его мнению, должны соответствовать: определенный импульс и определенное чувство; и то, и другое характерно, например, для полового инстинкта, но не для подражания.

Подражание усматривают в самых различных видах поведения. Мак-Даугал различал: 1) подражание в сфере эмоций, когда на улыбку отвечают улыбкой, на плач – плачем; 2) повторение за кем-то определенных движений, например зевание, когда кто-то зевает, или наклон тела в том же направлении, в каком наклоняется у нас на глазах канатоходец; 3) стремление походить на человека, вызывающего восхищение или уважение. Дело договоренности, считать ли подражанием все эти случаи или оставить понятие подражания только для ситуации, где речь идет о ценностях, об оценивании, – ситуации, которая, как легко догадаться, особенно нас интересует.

«Общество – это подражание, а подражание – род гипноза», – писал Г. Тард. (Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892, с. 89. 34.) Иллюстрацией понимаемого таким образом подражания могло бы служить явление, обозначаемое в современной социологии арабским словом «latah». Оно встречается в некоторых азиатских странах: например, женщина выбрасывает за борт судна ребенка, которого она держала на руках, после того, как кто-то выбросил в море сверток. В этом случае вполне правомерно говорить о гипнозе. Но слово «гипноз» гораздо меньше подходит к подражанию, обусловленному уважением к лицу, которому подражают, а это Тард считает существенным в подражании. «Мы увидим, – пишет он, – что все, кому мы подражаем, пользуются нашим уважением и что всем, кого уважаем, мы и подражаем или стремимся подражать... Уважение прежде всего есть впечатление, произведенное примером одного лица на другое» Там же, с. 88, 98. Вторая часть первого из этих высказываний кажется нам гораздо более сомнительной. Действительно ли мы подражаем всем, кого уважаем? Множество людей восхищаются Альбертом Швейцером и уважают его, но мало кто стремится ему подражать.

Подражание, понимаемое как бессознательное, спонтанное «заражение» (подобно тому как мы заражаемся весельем в каком-нибудь развлекательном заведении или заражаемся страхом, хотя нет и следа опасности), особенно пригодно для того, чтобы рассматривать его наподобие природных явлений, таких, как эпидемии. Можно попробовать установить какие-нибудь

зависимости между распространением понимаемого таким образом подражания, с одной стороны, и плотностью населения, интенсивностью контактов благодаря средствам коммуникации – с другой. Не удивительно, что в поисках законов, управляющих подражанием, некоторые исследователи пользовались понятием подражания именно в таком смысле.

Но, как уже говорилось, подражание можно понимать и иначе – как нечто, связанное с ценностями. В этом смысле наш известный психолог и переводчик Платона В. Витвицкий подражал Сократу. В случае подражания Сократу действует притягательность этого образа. Но следует выделить и такую ситуацию, когда мы подражаем кому-то не потому, что его личность нас привлекает, а по той причине, что желаем достичь того же результата, какого удалось достичь этому человеку. Так, подмастерье подражает мастеру, а спортсмен внимательно следит за движениями тренера и повторяет их. В таком случае я делаю что-то не потому, что так делает А, но потому, что поведение А позволяет мне лучше реализовать мои цели. Одинаковость целей под влиянием одинаковых стимулов ведет к одинаковому поведению. Например, на улице начинается дождь, и один зонтик раскрывается за другим. Вряд ли здесь можно говорить о подражании. Видимо, о подражании нельзя говорить и тогда, когда один из гостей, вставая из-за стола, чтобы попрощаться, вызывает тем самым целую серию прощаний. Его поведение было лишь толчком для гостей, которые и сами собирались поступить так же. Этими примерами я обязана А. Фиркандту, но использую их иначе. Фиркандт приводит их для иллюстрации разных мотивов, ведущих к подражанию, хотя и признает, что во втором случае гость, попрощавшийся первым, дал лишь толчок (Anstoss) остальным (См.: Vierkandt A. *Gesellschaftslehre*. Stuttgart, 1928, S. 114).

В современной литературе, посвященной понятию подражания, оно трактуется самым различным образом. Иногда с его помощью определяется «заражение». Так, в коллективной работе «Динамика власти» американские авторы, изучавшие вопрос о влиянии одних детей на других в группах ровесников, пишут: «Мы определяли заражение в поведении (behavioral contagion) как спонтанное воспроизведение детьми поведения одного из членов группы или подражание его поведению в том случае, когда объект подражания не проявлял каких-либо намерений побуждать товарищей делать то, что делал он сам» (Lippit R., Polanski N., Redl F., Rosen F. *The dynamics of Power*. – In: *Readings in social psychology*. New York, 1958, p. 251). Здесь подражание, вообще говоря, может быть аксиологически нейтральным. Но если мы говорим, что восхищение, зависть или уважение благоприятствуют подражанию (об этом смотри ниже), то мы уже явно имеем в виду подражание, руководствующееся оценочными суждениями.

В современной научной литературе понятие подражания вытесняется понятием идентификации с кем-либо. Например, говорят о том, что ребенок, который одевает куклу и везет ее в колясочке на прогулку, идентифицируется с матерью. В этом случае нет причин возражать против замены терминов. Но труднее усмотреть идентификацию, когда речь идет о том, что ребенок учится говорить путем подражания. Поэтому употребление этого нового термина (особенно популярного в теориях личности) не представляется мне особым достижением.

Теперь обратимся к психологическим и социологическим вопросам, связанным с понятием подражания. Что касается психологии, то во многих современных работах подтверждаются эмпирические наблюдения прежних теоретиков. По мнению А. Бандуры, лица привлекательные, обладающие престижем, властью, компетентностью, интеллектом, чаще становятся объектами подражания. Пол и возраст того, кому подражают, и того, кто подражает, при этом безразличны (См.: Bandura A. *Social learning through imitation*. Nebraska symposium on motivation, 1962). Эмоции подражающего лица, способствующие подражанию, весьма разнообразны. Уважение, восхищение, зависть, покорность, доверие, симпатия – вот некоторые из них. Подражать можно и ненавидя, что наблюдалось в колониальных и постколониальных странах. Об отношении индусов к англичанам в колониальной Индии один индус сказал так: «Мы нена-

видим их, и мы их копируем». Разные авторы подчеркивают, что социальная дистанция между объектом подражания и тем, кто подражает, не должна быть слишком большой. В сословном обществе, утверждал Мандевиль, подражают тем, кто стоит не слишком далеко на социальной лестнице. Мещанин мечтает не о четырехконном, а о двуконном экипаже.

Когда ребенок подражает родителям, те выражают радость; считается, что это и есть поощрение, поддерживающее склонность к подражанию. Здесь не место полемизировать с теорией обучения в таком ее применении. Она, как нам кажется, разделяет судьбу теории, которая стремление к удовольствию и уклонению от страданий считает достаточным для объяснения любых поступков, и имеет тот же, что и эта теория, недостаток, а именно: она не поддается опровержению, ведь если постараться, всегда можно найти какие-нибудь выгоды от поведения, которое выбирается и затем закрепляется.

В книге двух американских авторов Н. Миллера и Дж. Доллэрта «Социальное обучение и подражание» изложены результаты экспериментов с детьми, свидетельствующие о том, что подражанию можно научиться и от него отучиться, если оно не поощряется, то есть если из него не извлекается никаких выгод и даже можно понести ущерб. На основании своих наблюдений авторы выделили 4 группы лиц, которым подражали: старшие служат объектом подражания для младших, стоящие выше в групповой иерархии – для нижестоящих, более развитые умственно – для менее развитых, более умелые – для менее умелых. «Важным условием обучения путем подражания, – пишут авторы, – является наличие в данном обществе четкой иерархии индивидов, в которой они независимо друг от друга научаются реагировать так, чтобы получить максимум поощрений. Дети разного возраста образуют иерархию подобного рода» (Miller N. E., Dollard J. *Social learning and imitation*. New Haven; London, 1965, p. 165).

Известно, что роль подражания в формировании личностей и целых обществ огромна и крайне разнообразна. Подражание может быть и фактором прогресса, и консервативным фактором, фактором сплочения и фактором дезинтеграции общества. У. Мак-Даугал, а до него Г. Тард ссылаясь на склонность людей подражать тем, кто в чем-то их превосходит, приписывали привилегированную особую роль в распространении определенных образцов и нововведений. «Главная роль знати, – писал Г. Тард, – ее отличительная черта – это ее инициаторский, если не творческий характер». Отсутствием социальной стратификации Мак-Даугал объяснял отставание ряда стран. В царской России, считает он, подражать аристократии мешало отсутствие среднего класса и слишком большая дистанция между «низами» и «верхами», поэтому культура «верхов», при отсутствии промежуточного звена, не перенималась «низами». Китай, продолжает Мак-Даугал, не принял западной цивилизации, так как здесь не было влиятельной аристократии, которая могла бы ее воспринять. Иначе обстояло дело в Японии, отчего и история ее сложилась иначе. В Англии, где наличие третьего сословия делало возможным нисхождение образцов «сверху вниз», подражание играло большую роль и способствовало унификации общества; ведь каждый англичанин, «как хорошо известно, любит лорда и подражает ему».

Концепция Мак-Даугала исходит из трех предпосылок: 1) «низы» подражают «верхам»; 2) при слишком большой дистанции между ними подражание невозможно; 3) привилегированные классы легко воспринимают нововведения, коль скоро им отводится роль инициатора перемен. Последний пункт вызывает особенно большие сомнения, поскольку противоречит общепринятому мнению о консерватизме аристократии.

В заключение этих замечаний сформулируем вывод из них. Следуя по пути, проложенному нами уже несколько десятилетий назад, мы будем пользоваться термином «личностный образец» для обозначения объекта притязаний, а подражанием будем считать старание походить на кого-то, обусловленное сознательным или неосознаваемым убеждением в тех или иных достоинствах лица, которому мы подражаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.